

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Разбор и опровержение невежественного и безбожного суесловия нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога Слова / Пер. И. Д. Андреева; под редакцией М. Д. Муретова // Богословский вестник 1906. Т. 1. № 1. С. 113–128 (1-я пагин.). (Продолжение.)

безбожными язычниками, съ нечестивыми Манихеями. Подражая ихъ ученію и взглядамъ, Мамона и впалъ въ такое безуміе и безбожіе, что сталъ считать позволительнымъ подобно имъ и многія другія мѣста боговдохновеннаго Писанія неразумно и нечестиво попираетъ и вычеркивать. Такъ какъ Мамона, отвергая глаголы Духа, удалился отъ двора христіанъ, то кратко изложимъ наши воззрѣнія, которыхъ держимся касательно ангеловъ всѣ мы, стоящіе внутри ограды благочестія, какъ научили насъ всѣ истолкователи Духа и какъ принимаетъ католическая церковь.

9.—Итакъ, мы заявляемъ, что не можемъ познать и постигнуть то, какова природа и какъ существуютъ эти пресвятыя силы. Объ этомъ подробнѣе мы говорили въ другомъ мѣстѣ на основаніи поставленій святыхъ учителей¹⁾. Будучи совершенно просты и несложны, не ограничиваемые пространствомъ въ виду своей безтѣлесности, они однако начертываются и изображаются. Прежде всего мы знаемъ это изъ реченій Духа, которыя предалъ намъ наставникъ богопочтенія Моисей касательно устроения херувимовъ. Затѣмъ, такъ какъ существуютъ *служебніи дуси*, *въ служеніе посылаеми за хотящихъ наследовати спасеніе* (Евр. 1 14), то Господь Богъ, пекущійся о всѣхъ, всѣмъ человѣколюбно управляющій, о всѣхъ дѣлахъ нашихъ промысляющій, благоволилъ быть представителству безтѣлестныхъ силъ, по требованію человѣческой немощи, благодаря родственности и сходству чувствъ (у ангеловъ и людей).

Находясь въ общеніи съ нами, они передаютъ намъ дары и благодѣянія промыслительнаго и попечительнаго смотрѣнія. Много было явленій ангеловъ слугамъ

¹⁾ Разумѣется „Защитительно Слово“, помѣщенное въ первомъ томѣ перевода Никифора.

Божіимъ; при этомъ хотя природа ихъ оставалась сокрытой, но насколько то позволяла чистота и непорочность призываемаго къ такому видѣнію или какъ того требовали нужда, время и обстоятельства, среди которыхъ совершалось служеніе ангеловъ, людямъ, удостоивавшимся видѣнія чистыми мысленными очами, различно представлялись и являлись формы и образцы безформенныхъ и безобразныхъ существъ. То, что случилось съ патриархомъ Авраамомъ, было выше, чѣмъ явленіе ангельское; и способъ этого новаго и дивнаго привѣтствія, которымъ воздается хвала и почетъ благочестію и гостепріимству хозяина, выказываетъ скорѣе присутствіе Бога, чѣмъ ангеловъ. Описывается съ другой стороны, какъ внукъ его Іаковъ въ то время, какъ ему предстояло быть посвященнымъ въ тайну сошествія къ людямъ Бога Слова, ясно видѣлъ ангеловъ и лѣстницу, простиравшуюся отъ земли до самаго неба, стоящаго вверху ея Владыку всѣхъ и рядъ сходящихъ оттуда и восходящихъ, чѣмъ было таинственно предуказано пришествіе къ намъ Спасителя всѣхъ Бога. А вожди церкви заявляютъ, что этимъ былъ предначертанъ образъ Христа.

10.—Мы не будемъ говорить о бесѣдѣ чрезъ ангеловъ, имѣвшей мѣсто послѣ этого, и о какихъ либо подобныхъ симъ событіяхъ. Также сыну Навина (Ис. Нав. 5, 13), когда онъ былъ занятъ мыслию о войнѣ и ряды войска были уже предъ непріателемъ, явился Божественный ангелъ въ человѣческомъ видѣ, похожій на воина, показывавшій руку, вооруженную мечемъ. Принимая его за воина и недоумѣвая при этомъ необычномъ зрѣлищѣ, Іисусъ спросилъ, кто онъ—соплеменникъ или врагъ? Воинъ заявилъ, что онъ есть вождь воинства Господня. Также одинъ изъ пророковъ (Ис. VI, 1) говоритъ, что онъ видѣлъ Господа

славы и кругомъ предстоящихъ серафимовъ. Когда ему предстояло быть посланнымъ къ жестоковѣчному и непослушному народу, онъ просвѣщается этимъ видѣніемъ неизреченной славы и уста его очищаются углемъ, дабы бесѣдовать чистому съ чистымъ. Сдѣлавшись служителемъ божественнаго слова, укрѣпленный этимъ видѣніемъ и славою, поставленный въ невозможность сравнивать это съ чѣмъ либо другимъ, презрѣвъ все человѣческое, онъ могъ дерзновеннѣе выступить на пророческое служеніе. Другой (Іезек. 9, 2) пророкъ, когда просвѣтленными мысленными очами созерцалъ Богомъ опредѣленную казнь грѣшникамъ, увидѣлъ назначенныхъ для этого служителей съ сѣкирами въ рукахъ, представлявшихъ истребленіе, гибель и избіеніе множества непокорнаго народа. Видѣлъ онъ также человѣка, одѣтаго въ льняную одежду, которому было повелѣно пройти по городу и сдѣлать знаки на челахъ людей скорбящихъ и вздыхающихъ о всѣхъ мерзостяхъ, совершающихся среди нихъ, чѣмъ божественное правосудіе отдѣляло невинныхъ отъ виновныхъ. Еще одному пророку является мужъ, сидящій на рыжемъ конѣ (Зах. 1, 8), указывая, какъ всадникъ, можетъ быть, на быстроту и скорость дѣйствій. Цвѣтъ же коня, которымъ обозначается гнѣвный, свирѣпый, красноватый и огненный видъ сражающихся, указываетъ гнѣвъ Божій противъ народовъ языческихъ. И затѣмъ пророкъ услышалъ добрыя слова (Зах. 1, 17) и рѣчи утѣшенія, предвозвѣщавшія Божественное благоволеніе и человѣколюбіе, которыя Богъ всяческихъ даруетъ Іерусалиму, возвращая народъ порабощенный и плененный къ прежнему процвѣтанію и довольству,—и обѣтованія относительно города, что онъ будетъ обстроенъ, населенъ и обогащенъ. Многое и другое указывали эти видѣнія созер-

цавшему ихъ пророку. Еще иной могъ видѣть иначе въ мѣру своего достоинства, сообразно съ тѣмъ, какъ располагались символическіе образы грядущихъ событій и какъ Богъ устрояетъ то, что открывалось при помощи этихъ символовъ. А что можно сказать о честныхъ и святыхъ женахъ мироносицахъ? Не видѣли ли онѣ ангеловъ, одѣтыхъ въ бѣлыя и блестящія одежды, когда направлялись ко святому гробу, гдѣ было положено живоначалное тѣло Богоначальника? При этомъ бѣлизна и блескъ ихъ одежды, какъ символы общей радости человѣческаго рода и освобожденія, едва не издавали прежде нихъ самихъ (ангеловъ) гласа, что погребенный воскресъ, совозставивъ съ Собою издревле одержимыхъ узами смерти. Смерть упразднена, узы ада разрѣшены, умерщвленъ діаволь, уничтоженъ грѣхъ. Это было благовѣстіе величія предвозвѣщенныхъ знаменій.

11.—Такъ какъ для плотскихъ глазъ святыя ангелы невидимы, то они созерцались въ различныхъ видахъ, сообразно съ символами поручаемыхъ имъ служеній; такъ же они и изображались и начерчивались до сего времени христіанами. Въ согласіи съ этимъ именно христіане и поступаютъ и проповѣдуютъ. Такъ какъ ангелы святы и суть служители божественнаго величія, вторые свѣты, возсіявшіе отъ Свѣта Перваго, помощники нашего спасенія, то и иконы ихъ достойны и святы; мы воздаемъ имъ (ангеламъ) подобающее почтеніе, испрашиваемъ ихъ святыхъ молитвъ, потому что вѣримъ и знаемъ, что славословія и благодаренія, молитвы и прошенія наши возносятся ими къ Богу, если только вѣрно то, что сказано въ Евангеліи Спасителемъ нашимъ: *яко ангели ихъ на небесахъ выму видѣти лице Отца Моего небеснаго* (Мѡ. 18 10). И что иное они дѣлаютъ или чѣмъ занимаются, если

не доводятъ до ушей Господа Саваоѳа наши прошенія, уготовляя Его милости въ отношеніи къ дѣяніямъ нашимъ и предстательствуя за наше спасеніе? Здѣсь мы закончимъ рѣчь объ этомъ и опустимъ болтовню нечестиваго легкомыслія. Обратимъ свою рѣчь къ ранѣе общанному, къ вопросу о словахъ *описуемый* и *неописуемый* (*γραφτός καὶ ἀπερίγραφτος*), различія которыхъ, какъ извѣстно, не признаетъ по своей грубости и невѣжеству Мамона, а за нимъ и его ученики и послѣдователи его заблужденія, нечестивые и невѣжественные богословы,—и рассмотримъ ихъ болтовню, ибо какъ съ одной стороны эти безумцы не знаютъ различія естествъ и свойствъ и не умѣютъ установить разницы между святымъ и сквернымъ, такъ съ другой стороны они не уразумѣли, что такое изображеніе (*γραφή*) и описаніе (ограниченіе — *περίγραφή*), изображаемое—*γραφτόν* и описуемое—*περίγραφτον*. Все сливая смѣшивая и считая одинаковымъ, они отождествляютъ то, что весьма различно и отнюдь не допускаетъ никакой разницы. Не обращая вниманія на эту несообразность въ раннѣйшемъ изложеніи, чтобы не прерывать послѣдовательность рѣчи, мы и сами пользовались, когда нужно было, этими словами, иногда удерживая собственное и главное значеніе, а иногда вели рѣчь, допуская безразличіе въ употребленіи ихъ. Но мы общали представить и разъяснить ихъ значеніе и различіе между собою, дабы содержаніе и смыслъ ихъ были понятны всѣмъ незнающимъ и дабы рѣчь безумцевъ выказала себя смѣшною и исполненною невѣжества. Посему мы признали благовременнымъ теперь кратко обсудить эти слова.

12.—Кто изъ имѣющихъ каплю смысла не пойметъ, что начертаніе или изображеніе (*γραφή*)—одно, а описуемость или ограниченіе (*περίγραφή*)—другое? Начер-

таніе, начнемъ съ простѣйшаго, бываетъ двухъ видовъ: одно получается изъ буквъ, расположенныхъ въ связи и порядкѣ, далѣе изъ словъ, и составляется писателями; другое же устроится и начертывается ради сходства путемъ подражанія подлиннику, какъ это есть въ случаѣ, насъ интересующемъ. Одно передаетъ содержаніе связной рѣчи при помощи звуковъ, а другое даетъ подобіе подлинника при помощи отображенія. Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ необходимости разсматривать, доставляетъ-ли когда изображеніе (полное) отображеніе формъ и вещей. Писателями (*γραφεῖς*) обыкновенно называются занимающіеся и тѣмъ и другимъ видомъ этого искусства—и составляющіе словесныя произведенія и изучившіе живописное искусство. Древнее употребленіе слова *писать*—*γράφει* вмѣсто слова *ξύσαι*—*чертитъ* близко подходитъ къ обозначенію писанія и живописанія. Но описаніе—ограниченіе (*περιγραφή*), какъ обыкновенно выражаются, совершается слѣдующимъ образомъ. Описуемое или ограничиваемое (*τὴ περιγραφόμενον*) описывается или ограничивается (*περιγράφεται*) или пространствомъ, или временемъ, или началомъ, или постиженіемъ:—пространствомъ, какъ напр. тѣла,—они заключаются въ пространствѣ, потому что пространство есть предѣлъ содержамаго, по скольку оно обнимаетъ содержимое. Временемъ и началомъ ограничивается или описывается (*περιγραπτόν ἐστιν*) то, что прежде не существовало и во времени получило бытіе, въ каковомъ смыслѣ называютъ ограниченными—описуемыми ангеловъ и души. Тѣлесно ангелы въ пространствѣ не вмѣщаются вслѣдствіе того, что они не имѣютъ ни формы, ни фигуры, но они дѣйствуютъ въ пространствѣ сообразно съ своей природой, ибо пребываютъ въ немъ духовно, какъ духи, и не гдѣлибо, но именно тамъ мысленно

описываются—ограничиваются (*περιγράφειν*). Можно сказать также, что они ограничиваются Творцом. Временем ограничивается не только то, что начало быть, но и то, что имѣетъ конецъ и предѣлъ. Такова наша жизнь, по преимуществу ограниченная и конечная, ибо въ смерти каждый достигаетъ предѣла жизни. Исчезновение есть также предѣлъ и этого міра, когда міръ окажется преобразеннымъ. Вѣдѣніемъ ограничивается—описывается то, что постигается мыслию и знаніемъ; одинъ изъ видовъ ограниченія есть вѣдѣніе, коимъ ангелы познаютъ въ нѣкоторой степени природу другъ друга. Итакъ описаніе—ограниченіе есть вмѣщеніе и предѣлъ вмѣстимаго и ограничиваемаго, или окончаніе начавшагося и движущагося, или постиженіе духовнаго и познаваемаго. То, что не подходитъ ни подъ одну изъ этихъ категорій, неограниченно—неописуемо. Отсюда Христосъ, какъ чело-вѣкъ, описывается (*περιέγραπται*) названными спосо-бами: такъ какъ Онъ носилъ наше тѣло дѣйствительно, а не въ воображеніи, то безтѣлесный Онъ описывается—ограничивается пространствомъ; будучи безначальнымъ, Онъ, получивъ начало во времени, описы-вается—ограничивается временемъ; обращаясь среди людей тѣлесно, Непостижимый содѣлался постижи-мымъ.

13.—При существованіи столькихъ видовъ описы-мости—ограниченія между ними слѣдуетъ отмѣтить значительное различіе. Когда художникъ пишетъ т. е. изображаетъ чело-вѣка, о чемъ у насъ сейчасъ идетъ рѣчь, то это не означаетъ, что вмѣстѣ съ тѣломъ и описываетъ—ограничиваетъ его. И если кто очерчи-ваетъ кого-либо, то это не значить, что онъ заклю-чаетъ его въ пространство, въ которомъ ему слѣду-етъ находиться, даже въ его отсутствіе, ибо для того,

чтобы описаніе—ограниченіе имѣло мѣсто, необходимо присутствіе описываемаго — ограничиваемаго, тогда какъ для изображенія это присутствіе не представляется совершенно необходимымъ; при изображеніи совсѣмъ нѣтъ мѣста для описанія ограниченія, хотя бы кто и подумалъ, что это совершается. Въ отношеніи къ тѣлесно описуемому—ограниченному ближайшее описаніе—ограниченіе даетъ пространство. А что такое пространство, нами уже сказано. Съ другой стороны если кто описываетъ—ограничиваетъ кого тѣлесно, это не значитъ, что онъ его пишетъ т. е. изображаетъ,—для такого заключенія нѣтъ принудительныхъ основаній, потому что описаніе и изображеніе не стоятъ въ связи другъ съ другомъ, какъ сейчасъ будетъ сказано. Мы говоримъ, что человѣкъ изображенъ въ такомъ то мѣстѣ, напр. на стѣнѣ или доскѣ; но никто изъ людей разсудительныхъ и умныхъ не скажетъ, что онъ этимъ мѣстомъ описывается т. е. ограничивается. Человѣкъ на своемъ портретѣ пишется—изображается, но описывается—ограничивается не въ немъ, а въ мѣстѣ своего ограниченія. И способы, которыми осуществляется описаніе и изображеніе, весьма различны: изображается человѣкъ, допустимъ, красками и камнями, въ разныхъ видахъ и положеніяхъ, въ различныхъ цвѣтахъ; но этимъ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть описанъ—ограниченъ, потому что описуемость—ограниченіе есть, какъ сказано, нѣчто совсѣмъ иное.

Кромѣ того, начертаніе (*γραφή*) представляетъ тѣлесный видъ человѣка изображаемаго, его обликъ, внѣшнюю форму и подобіе. Описаніе же—ограниченіе (*περιγραφή*), не имѣя ничего общаго съ этимъ, опредѣляетъ то, что ему подлежитъ, названными тремя способами. Изображеніе состоитъ въ имѣніи сходства съ

первообразомъ; оно есть и называется изображеніемъ первообраза, отдѣлено отъ него и существуетъ само по себѣ. Описаніе же—ограниченіе не можетъ быть ни подобіемъ, ни неподобіемъ; оно не сообщаетъ формы; относительно его нельзя говорить, что оно описываетъ первообразъ; оно не имѣетъ отношенія къ первообразу. Оно существуетъ независимо и само по себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно обнимаетъ, и всегда ему присуще. Человѣкъ всегда находится въ пространствѣ и во времени, познаваемъ, неизбѣжно подлежитъ описанію—ограниченію, которое присуще его природѣ и не допускаетъ никакого разобщенія;—какъ каждый можетъ видѣть въ пространственной описуемости—ограниченіи (*περιγραφής*) соединеніе границъ того и другаго (объема и содержанія) при проявленіи обоихъ, ибо гдѣ есть объемъ и величина, тамъ неизбѣжно мыслится и пространство. Изображеніе же можетъ далеко отстоять отъ первообраза. Изображеніе, хотя и въ разныхъ мѣстахъ, начертывается тѣмъ не менѣе въ точно опредѣленной части пространства. Описаніе же—ограниченіе, ограничивая просто и неопредѣленно, распространяется на все, что подлежитъ описуемости—ограниченію, а не такъ, что въ одномъ мѣстѣ оно описываетъ—ограничиваетъ, а въ другомъ нѣтъ. Въ изображеніи все принадлежитъ воспріятію и внѣшней сторонѣ; въ описаніи же—ограниченіи большая доля принадлежитъ идеѣ (представленію), ибо возможно мыслить одно описывающее—ограничивающее пространство. Вообще говоря, ни живопись не ограничиваетъ—описываетъ человѣка, хотя онъ описуемъ—ограниченъ, ни описаніе—ограниченіе не изображаетъ человѣка хотя онъ изобразимъ, ибо и то и другое существуютъ на разныхъ основаніяхъ. Кромѣ того изображеніе подчинено (подлежитъ) описанію—ограниченію

описаніе же—ограниченіе не объемлется имъ въ свою очередь, но объемлетъ его: отсюда между ними нѣтъ взаимозависимости. Понятіе описуемости шире: какой-либо предметъ, изображенный или начертанный, напр. человѣкъ и само изображеніе, а также отпечатанные знаки или черта могутъ быть названы описуемыми въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы сейчасъ говоримъ, что вездѣ слѣдуетъ помнить, ибо мы ведемъ рѣчь именно объ этомъ, а не о другомъ способѣ описуемости;—но не обратно: если что описуемо—ограничено, то и изобразимо.

Приведемъ примѣръ. Такъ называемый годичный кругъ обращается въ предѣлахъ извѣстныхъ мѣръ—четырехъ временныхъ промежутковъ; поэтому онъ называется описуемымъ—ограниченнымъ, но не изображимымъ, начертываемымъ, ибо какъ можетъ быть изображено то, что не имѣетъ внѣшняго вида и формы и вслѣдствіе этого не доступно воспріятію зрѣніемъ. Будучи непрерывнымъ, годичный кругъ всегда связываетъ свой конецъ съ слѣдующимъ началомъ. Такъ какъ солнце, обращаясь въ теченіе круга, переходитъ отъ одного и того же знака къ одному и тому же, то принято говорить, что кругъ нѣкоторымъ образомъ описывается. Начала и окончанія совершаютъ взаимную смѣну въ незначительный промежутокъ времени и почти незамѣтно. Чтобы текучее время не стѣсняло человѣческой жизни неизвѣстностію, чтобы въ нашихъ дѣлахъ, за отсутствіемъ обозначенія ихъ какимъ либо временнымъ знакомъ, не происходило замѣшательства, безпорядка и неправильности, время измѣряется днями, часами, недѣлями, мѣсяцами, годами, въ древности олімпіадами, консульствами и другими мѣрами, дабы хранились ясныя и отчетливыя воспоминанія о прошедшемъ и чтобы въ порядкѣ

располагались событія жизни. Такимъ образомъ и законъ Моисеевъ, существовавшій до евангельской спасительной проповѣди, существовалъ во времени и временемъ былъ ограниченъ. Равнымъ образомъ съ явленіемъ Спасителя нашего Бога и идолопоклонство было упразднено и ограничено (*περιέγραπται*), не обнаруживая въ послѣдующее время движенія впередъ и жизнедѣятельности. Но ни законъ, хотя онъ описуемъ — ограниченъ (*περιγραπτός*), не изображается, самъ по себѣ будучи только именемъ, хотя его узаконенія начертываются буквами и всегда находятся въ священныхъ книгахъ; ни идолопоклонство не подлежитъ начертанію, ибо въ немъ идетъ дѣло о вещахъ не существующихъ, не имѣющихъ ни формы, ни внѣшняго вида.

14.— Точно также и начальства и власти народовъ описуемы—ограничены и таковыми именуются, ибо раздѣлены другъ отъ друга предѣлами и границами. Власть и обладаніе назначены Богомъ каждому народу въ опредѣленныхъ мѣстахъ. *Постави предѣлы языковъ по числу Ангелъ Божіихъ* (Второзак. 32, 8). Самое имя начальство и власти не можетъ быть изображаемо, ибо оно обозначаетъ и символизируетъ достоинство. Равнымъ образомъ и человѣческая жизнь хотя она ограничена—описуема и заключена въ предѣлы Творцомъ и Богомъ всяческихъ, однако она не изображима. Случающіяся съ нами болѣзни описуемы, ибо ограничиваются временемъ; таковы особенно перемежающіяся лихорадки, продолжающіяся, большею частію, какъ говорятъ врачи, до одного дня; но никто никогда не видѣлъ лихорадку нарисованною или изображенною. Затѣмъ свойство цвѣтовъ благоухать, присущее извѣстнымъ тѣламъ, растущимъ или залегающимъ въ опредѣленномъ мѣстѣ,

именно въ виду этого благоуханія описуемо. Но такъ какъ само по себѣ отдѣльно это свойство не существуетъ, то оно не начертывается и вообще не поддается изображенію. Что такое переселеніе въ Египетъ Іакова и его потомства и пребываніе ихъ тамъ въ теченіе четырехсотъ лѣтъ,—или плѣненіе Іудеевъ въ Вавилонѣ Халдеями, опредѣленное Богомъ всяческихъ въ 70 лѣтъ, которые они принуждены были отбыть для изглажденія своихъ грѣховъ? Развѣ и то и другое не были ограничены и не закончились съ возвращеніемъ, говоритъ божественный Григорій ¹⁾? Переселеніе и возвращеніе переселяемыхъ, плѣненіе взятыхъ, обнаруженіе корыстолюбія и тиранническое обращеніе, а съ другой стороны лишеніе свободы плѣненныхъ, рабство и принудительный уводъ—все это событія. Но никто не можетъ изображать переселеніе или плѣненіе, какъ происшествіе, взятое само по себѣ, ибо нельзя думать, что дѣло въ данномъ случаѣ идетъ о переселяемыхъ и плѣненныхъ; одно отлично отъ другого, какъ отличны дѣйствія отъ тѣлъ. Также движеніе воздуха можно назвать описуемымъ — ограничиваемымъ, потому что оно существуетъ въ одномъ мѣстѣ и прекращается въ другомъ, но—не изобразимымъ, потому что оно не состоитъ изъ частей и не имѣетъ формы.

15.—И человѣческая рѣчь называется описуемо-ограниченною, однако она не изображается, ибо у нея нѣтъ ни тѣла, ни формы, ни вида. Да и какъ она можетъ имѣть ихъ, когда она изливается и разрѣшается въ произношеніи? Нами было уже сказано, въ какомъ смыслѣ слово *γράφεται* — *начертывается* должно быть приложимо ко всему этому. Согласно

¹⁾ Въ концѣ Слова 41 на пятидесятницу.

одному изъ этихъ значеній, т. е. посредствомъ буквъ, все можетъ быть начертываемо. Если присмотрѣться, можно найти много случаевъ, гдѣ обнаруживается различіе этихъ словъ. Изъ вышеназваннаго ничто не подлежитъ начертанію (*γράφεται*), если только не имѣть въ виду случаевъ, когда нѣкоторые, изображая добродѣтели, напр. справедливость, мужество и другія, придаютъ имъ тѣлесную форму, какъ это мы иногда видимъ. Но это собственно нельзя назвать изображеніемъ (*εικονίζεσθαι*) или образомъ (*γράφεσθαι*), ибо здѣсь нѣтъ первообраза, и изображенія не имѣютъ подобія съ какими либо существами. Образы пишутся и начертываются сообразно первообразамъ и являются таковыми по отношенію къ чему либо, какъ и раньше мы говорили объ этомъ. Картины добродѣтелей суть измышленія, создаваемые намѣреніемъ и властію художника. Онѣ явно не представляютъ вида, образа и формы чего либо ранѣе существовавшего. Добродѣтели не могутъ быть изображены въ собственномъ и истинномъ смыслѣ. Изображается обыкновенно то, что вмѣщается пространствомъ, воспринимается нашими чувствами, что имѣетъ тѣло, форму и видъ. А то, что существуетъ на иныхъ основаніяхъ, или не изображается совсѣмъ, или изрѣдка изображается символически, или иными способами. Не смотря на такое различіе разсматриваемыхъ словъ, явствующее изъ опредѣленія и другихъ разсужденій о нихъ, эти преданные страстямъ безумцы, ограничивающіе (*περιγράφοντες*)—скажемъ такъ—упованіе настоящею жизнію, никогда не взирающіе на будущее, обладающіе душою, одержимую страстями и влеченіемъ къ матеріальному, движимые грубыми и разнузданными порывами, несмысленно и неразумно въ формѣ приказанія постановляютъ свои рѣшенія, которыхъ не допускаетъ са-

мое существо дѣла. Въ то время, когда слѣдуетъ говорить „изображать и начертывать“ (*γράφειν καὶ ἐκονίζειν*)“ они говорятъ „описывать“ (*περιγράφειν*)“, не обращая вниманія ни на церковное ученіе, ни на положеніе дѣла. Не научило ихъ дѣлать это различіе даже обыкновенное и народное употребленіе этихъ словъ, какъ напр. въ приложеніи къ такъ называемымъ въ частныхъ сдѣлкахъ обходнымъ долговымъ роспискамъ (*ἐπιπερίγραφα γραμματεία*), совершенно отличнымъ отъ признаваемыхъ закономъ постоянныхъ договоровъ.

16. Жалкіе, они не понимаютъ того, что особенно посягаетъ безуміе всѣхъ ихъ. Всегда они имѣютъ на языкѣ и приводятъ требованіе учителя Астерія: „не изображай Христа“ (*μὴ γράφει*). Но онъ не требуетъ „не описывать“ (*μὴ περιγράφει*). Такъ и нашъ Астерій въ бесѣдѣ о святой мученицѣ Евфиміи, указывая намъ на священную исторію мученицы, сказалъ: „видѣлъ я тамъ нѣкое *начертаніе*“ (*γραφὴν*), а не „описаніе“ (*περιγραφὴν*)“¹⁾,—называлъ ее изображенной (*γραφικὴν*), а не описанной или ограниченной (*περιγραφικὴν*). Онъ умѣлъ цѣнить художество и наилучшихъ изъ живописцевъ и какъ самъ высоко чтился у нихъ, такъ и чтилъ картины мастеровъ. Чтоже нужно сказать относительно другихъ святыхъ отцовъ нашихъ? Одинъ изъ нихъ обращаетъ вниманіе на живописцевъ, рисующихъ (*ἐχχαράσσαντας*) на доскахъ, а другой говоритъ: „достаточно-ли слово изобразило“ (*ἐγράφε*) мужа? А затѣмъ: „не ясно-ли представило“ (*ἀνετύλοσато*) слово, живописуя соименнаго мнѣ и имѣющаго одну душу со мною?“ Но никто не сказалъ *описано* (*περιέγραψεν*). Иконоборцы же не знаютъ

¹⁾ Астерій въ бесѣдѣ на притчу о богачѣ и Лазарѣ, Migne t. 40,—ср. переводъ на русс. яз. Бог. Вѣстн. 1894 г. и отд. изд. прим. 1 и 18.

даже названія, которое обычно употребляютъ изучившіе это искусство. До такой степени извращена ихъ мысль, до того они заражены безуміемъ. Художники носятъ названіе ζωγράφοι, а не ζωοπεριγράφοι. Чтобы намъ не запутаться въ лабиринтъ словъ и не вдаваться въ безконечную массу изреченій, мы этимъ ограничимъ (περιγράφωμεν) наше очень ограниченное (ἐπερίγραπτον) писаніе (γραφήν) объ изображимомъ (τοῦ γράπτοῦ) и описуемомъ (περίγραπτοῦ).

17.—Какъ же не закроютъ свои лица отъ стыда и не сгинутъ Христорборцы, когда слышатъ, что существа безтѣлесныя и безобразныя, какъ напр. ангелъ и душа, описуемы — ограничены особымъ имъ свойственнымъ способомъ, и въ тоже время думаютъ, что Христосъ, воплотившійся, въ естествѣ нашемъ явившійся, сущій во плоти, воспріявшій человѣческій видъ, наружность и форму, сохранившій во всемъ совершенное человѣчество, не можетъ описываться и начертываться, изображаться (περιγράφεσθαι καὶ γράφεσθαι, ἥτοι εἰκονίζεσθαι). Въ Немъ явилось то и другое естество, такъ какъ-то, что Онъ воспринялъ, есть и у насъ; Онъ ничего не отвергъ изъ нашего кромѣ грѣха. Новый Адамъ понесъ всего ветхаго Адама, дабы подпавшаго грѣху преступленіемъ божественной заповѣди Онъ могъ безгрѣшнымъ возставить въ Себѣ благодатію. Неужели они не вѣрятъ, что и они сами, какъ состоящіе изъ тойже персти, описуемы, чтобы уже зачеркнуть и человѣческое естество? Мы вѣруемъ и проповѣдуемъ, что Богъ-Слово по произбыточеству человѣколюбія, возводя Свое твореніе къ древнему благолѣпію, прежде всего вселившись въ утробу Пресвятой Матери и истинной Богородицы, воспринялъ неложно отъ дѣвственныхъ кровей нашу плоть. Такъ какъ Она была человѣкомъ съ естествомъ ни

въ чемъ не отличнымъ отъ нашего и только превосходила всѣхъ святостію и непорочностію, то и Христосъ, будучи человѣкомъ совершеннымъ, не въ воображеніи и не по виду только, описалъ—ограничилъ (*περιέγραψεν*) Себя въ естествѣ человѣческомъ. Съ этого времени мы будемъ употреблять разсматриваемыя слова въ буквальномъ и собственномъ ихъ значеніи. Хотя Христосъ, какъ Слово, есть всегда то, что Оно есть, безстрастенъ, граница и предѣлъ всякой неопиcуемости и безпредѣльности (*ἀπεριγραψία καὶ ἀοριστία*), потомъ однако во время явленія Своего Онъ возлежалъ въ пещерѣ и ясляхъ, повитый пеленами, содѣлался описуемымъ и ограниченнымъ (*περιεγράφη καὶ περιορίσθη*) по плоти. Вслѣдствіе сего Его описуемое тѣло испытало слѣдующее: Онъ былъ обрѣзанъ, крещенъ, погружаемъ тѣломъ въ воду, биемъ рабомъ, распятъ на крестѣ, претерпѣлъ прободеніе ребра, принялъ за насъ смерть, былъ положенъ во гробъ, въ которомъ былъ тѣлесно ограниченъ (*περιεγράφη*). Затѣмъ Онъ воскресъ послѣ трехъ дней, поправъ смерть какъ Богъ и даровавъ умершимъ свободу и жизнь. Что скажете вы, провозглашающіе неопиcуемость (*τὸ ἀπερίγραπτον*) и допускающіе нелѣпости докетизма? Повитый пеленами, возлежавшій въ ясляхъ, пребывавшій въ пещерѣ описывается (*περιγράφεται*) или нѣтъ? Обрѣзываемый, крестимый, распинаемый и въ концѣ всего заключаемый во гробъ ограничивается (*περιορίζεται*) этимъ и объемлется, или нѣтъ? Не описуемое (*μὴ περιγραφόμενον*) не находится въ пространствѣ, если же оно не въ пространствѣ, то оно не есть тѣло; если же не тѣло, то тѣмъ болѣе не человѣкъ. Итакъ, Христосъ не вочеловѣчился, не воспринялъ павшаго естества и не подлежалъ тѣмъ страданіямъ, которыя обычны для нашего тѣла.